

Преступный Пакт без преступления

Игорь Шишкин

За пактом Молотова – Риббентропа прочно закрепилась репутация преступного документа, одного из самых противоправных и зловещих договоров в истории дипломатии.

По утверждению главы Комиссии историков при президенте Латвийской Республики И.Фелдманиса, «договор от 23 августа, как пакт войны, раздела и уничтожения, не имеет себе аналога во всей истории Европы XIX и XX столетий. Трудно представить еще более грубый и преступный заговор против мира и суверенитета государств»¹.

Руководствуясь подобным пониманием договора о ненападении между СССР и Германией, более 400 видных европейских политических деятелей в 2008 г. выступили с призывом провозгласить день подписания пакта Молотова – Риббентропа Днем памяти жертв сталинизма и нацизма. Минул год, и соответствующая декларация уже официально была принята Европарламентом.

Не осталась в стороне и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе: Парламентская ассамблея ОБСЕ утвердила резолюцию «Воссоединение разделенной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», в которой полностью поддержала инициативу Европарламента объявить 23 августа Всеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма.

ШИШКИН Игорь Сергеевич – заместитель директора Института стран СНГ (Москва), профессор РГТЭУ. E-mail: geomant-rus@yandex.ru

Ключевые слова: Вторая мировая война, информационная война, фальсификация истории, пакт Молотова – Риббентропа.

В 2011 г. уже официально на уровне Евросоюза 23 августа отмечался День памяти жертв тоталитарных режимов.

В настоящее время можно с полной уверенностью утверждать, что Пакт занял одно из ведущих мест в широкомасштабной кампании по насаждению новой концепции Второй мировой войны, основанной на тождестве нацизма и сталинизма и равной ответственности СССР и Германии за мировую войну.

Однако обвинения в преступлении должны опираться не на эмоциональные характеристики и филиппики о попрании светлых идеалов, а на указание конкретных норм международного права, которые пограл («преступил») советско-германский договор. Это аксиома.

К счастью, за последние годы Пакт был объектом не только исторической политики, но и исторической науки. По проблемам предвоенной истории в целом, пакта Молотова – Риббентропа и связанных с ним событий, в частности, проведено огромное количество научных исследований, конференций и дискуссий, в которых участвовали ведущие российские и зарубежные ученые (порой прямо противоположно оценивающие Пакт). В научный оборот введены значительные пласты недоступных ранее документов. Российское общество получило возможность выработать собственное отношение к Пакту, опираясь на накопленные наукой знания, а не пропагандистские штампы, фальшивки и лозунги.

Договор о ненападении

Автор одного из первых историко-правовых исследований советско-германских отношений в межвоенный период, А.А.Пронин, причем стоящий на позиции безусловной виновности СССР в развязывании войны и преступного характера пакта Молотова – Риббентропа, смог найти только две юридические зацепки для осуждения собственно Договора о ненападении между Советским Союзом и Германией, а именно: Пакт «обесценил» франко-советский договор о взаимопомощи 1935 г. и не содержал положения о его автоматическом расторжении в момент начала агрессии другой договаривающейся стороной против третьего государства².

Рассмотрим эти обвинения по порядку.

Советско-французский договор, как и все аналогичные французские договоренности с восточноевропейскими государствами, «обесценились» не в результате пакта Молотова – Риббентропа, а в Мюнхене, когда Франция отказалась выполнить свои союзнические обязательства перед Чехословакией.

В.П.Смирнов, один из крупнейших специалистов по истории Франции XX в. и Второй мировой войны, пишет, что «после Мюнхенской конференции Франция и, видимо, Англия считали Восточную Европу сферой преимущественного влияния Германии и не исключали, что Германия может использовать связанных с нею украинских националистов для отделения Украины от СССР, т.е. прибегнет к тому, что потом назвали “косвенной агрессией”».

Они согласились, что в таком случае Франция откажется от своих обязательств по франко-советскому договору о взаимной помощи (выд. – Авт.)»³.

Не менее определенно на это последствие Мюнхена указывает и Н.А.Нарочницкая: «Западные страны в Мюнхене перечеркнули систему французских союзов в Восточной Европе, советско-французско-чехословацкие договоры и франко-польский союз, положили конец Малой Антанте»⁴.

Поэтому странно считать преступлением «обесценивание» того, что уже ничего не стоит.

Еще более странным является попытка вменить в вину СССР отсутствие пункта об автоматическом расторжении договора в случае начала войны другой договаривающейся стороной против третьего государства.

Действительно, во всех многочисленных договорах о ненападении, заключенных СССР ранее, такой пункт был. Но определялось это не нормами права, а политической целесообразностью. СССР тогда пытался построить систему коллективной безопасности в Европе, предполагающую совместное наказание агрессора. После Мюнхена, знаменовавшего провал советской политики коллективной безопасности, положение кардинально изменилось.

Как отмечает В.П.Смирнов, «Мюнхенская конференция привела советское руководство к мысли, что на Англию и Францию нельзя положиться; политика коллективной безопасности показала свою несостоятельность, и, следовательно, Советский Союз должен заботиться только

о своей собственной безопасности, независимо от интересов других стран»³.

В настоящее время можно спорить о том, насколько данное решение Советского руководства соответствовало интересам страны, но с юридической точки зрения оно было безупречным. Не существовало ни одной нормы международного права, обязывающей СССР отказаться от нейтралитета и вступить в войну в случае более чем вероятного на тот момент нападения Германии на Польшу. Тем более что последняя несколько раз в преддверии заключения Пакта официально отказывалась принимать от России гарантии своей безопасности.

С.З.Случ дополняет обвинения, выдвинутые А.А.Прониным, указанием на несовместимость советско-германского и советско-польского договоров о ненападении.

По его мнению, «пойдя на соглашение с Третьим рейхом в той форме, в какой это имело место 23 августа 1939 г., советское правительство сразу же нарушило статью 3 договора о ненападении между СССР и Польшей... Согласно этой статье, СССР и Польша обязывались «не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне»... Все это свидетельствует о том, что с международно-правовой точки зрения открытая часть советско-германского договора о ненападении, оцениваемая в рамках конкретной военно-политической обстановки конца лета 1939 г., входила в явное противоречие с взятыми советским руководством ранее обязательствами в отношении Польши»⁵.

Однако «открытая часть» Пакта, равно как и «закрытая», не содержали никакой договоренности об агрессивных или просто враждебных действиях договаривающихся сторон против Польского государства. Отсутствие пункта об автоматическом расторжении договора в случае агрессии одной из сторон против третьего государства, как уже говорилось выше, таковой договоренностью считаться не может.

Пакт был договором с Германией о ненападении друг на друга, а не о нападении на Польшу, как нам упорно пытаются представить.

Именно это позволило М.И.Мельтюхову, автору исследования по истории советско-польских войн, утверждать, что с правовой точки зрения «советско-германский договор был вполне совместим с советско-польским соглашением, поскольку буква договора не нарушалась. Конечно, в реальных условиях 1939 г. советско-германский пакт противоречил духу советско-польского соглашения. Но если говорить откровенно, дух того или иного соглашения – вещь достаточно условная и воспринимается скорее под влиянием субъективных факторов. Как бы то ни было, официально Варшава в тот момент не увидела в действиях Москвы нарушения действующего договора»⁶.

Особую важность здесь представляет указание М.И.Мельтюхова на реакцию Польши, которая была вполне определенной: «Мы первые заключили с СССР пакт о неагрессии, первые подписали соглашение об определении агрессии, мы имеем нормальные отношения с СССР и большего не хотим, причем СССР

нашу позицию понимает. Берлин получил от СССР только то, что мы уже имеем давно, т.е. пакт о ненападении, а что касается участия СССР в игре в Европе, то мы неоднократно предупреждали западных друзей, что созидательной роли СССР играть не может»⁷.

Польское руководство по вполне понятным причинам с особым вниманием следило за советско-германскими переговорами и было прекрасно осведомленно о содержании договора, за исключением Секретного протокола, о котором ни англичане, ни французы не сочли нужным поляков проинформировать, «чтобы не ослаблять в Польше дух борьбы»⁸ (по определению современного польского историка Я.Милевского). Знал польское руководство и об отсутствии в Пакте пункта о его автоматическом расторжении в случае агрессии против третьего государства, и при этом никакого противоречия советско-польскому договору о ненападении в «открытой» части Пакта оно не нашло. В отличие от современных поборников его противоправного, т.е. преступного, характера.

Что же касается несоответствия Пакта духу советско-польского договора, то и здесь все не так однозначно.

Помимо того что «дух» договора – понятие действительно субъективное, его едва ли оправданно рассматривать вне контекста «духа» советско-польских отношений в целом. Если бы Польша и СССР были союзными государствами или просто добрыми соседями, то о нарушении в Пакте «духа» еще можно было бы говорить. Да и то с моральной, а не с правовой точки зрения.

Однако Польша и Советская Россия все предвоенные годы являлись друг для друга врагами номер один.

Советско-польский договор о ненападении был призван в какой-то мере разрядить напряженность, не более того. Показательно, что он вполне нормально, в польском понимании, уживался с прямо (не по «духу») антиросийским польско-румынским договором. Все попытки СССР добиться даже не отмены, а хотя бы придания польско-румынскому договору общего характера ни к чему не привели и априори отвергались Варшавой.

Это, кстати, сыграло с Польшей позже злую шутку – союзная Румыния оказалась не обязана помогать Польше против немецкой агрессии.

Полпред СССР в Париже Я.З.Суриц докладывал о разговоре с румынским послом после начала немецкого вторжения: «С нескрываемым чувством облегчения румын вспоминал, что в свое время поляки уклонились от придания польско-румынскому пакту характера более генерального и в результате “должны считаться сейчас с румынским нейтралитетом”»⁷.

В условиях такого «духа» польско-советских отношений ставить в вину СССР несоответствие пакта Молотова – Риббентропа «духу» советско-польского договора о ненападении равносильно обвинению в нарушении Вечного мира с Польшей от 1686 г.

Секретные протоколы

Центральное место в системе доказательств преступного характера пакта Молотова – Риббентропа отводится Секретным протоколам (имеются в виду все секретные протоколы, подписанные СССР с Германией в 1939–1941 гг.). Именно они подаются как наглядное воплощение заговора двух тоталитарных империй.

Показательно мнение Н.С.Лебедевой, представляющей Россию в российско-польской комиссии по сложным историческим вопросам Секретные протоколы были направлены «на ликвидацию государственного суверенитета и территориальной целостности четырех стран и как таковые грубо нарушали общепринятые нормы международного права»⁹.

Даже в «компромиссном» постановлении Съезда народных депутатов СССР (1989 г.) о правовой оценке Пакта, признавшем собственно До-

говор о ненападении с Германией соответствующим нормам международного права и договорной практике того времени, Секретные протоколы безоговорочно осуждаются: «Съезд констатирует, что протокол от 23 августа 1939 г. и другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939–1941 годах, как по методу их составления, так и по содержанию являлись отходом от ленинских принципов советской внешней политики. Предпринятые в них разграничение “сфер интересов” СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран»¹⁰.

Достижения современной исторической науки позволяют усомниться в обоснованности подобных трактовок Секретных протоколов и поставить под вопрос широко распространенное мнение о том, что они

и по форме, и по содержанию не соответствовали нормам международного права того времени. При этом проблему соответствия «ленинским нормам» можно оставить за скобками.

С точки зрения формы секретные договоренности между государствами не являются чем-то необычным в международной практике.

– В рамках англо-франко-советских переговоров 1939 г. в Москве, предшествовавших подписанию Пакта, одним из камней преткновения был отказ Польши и прибалтийских государств принять гарантии своей независимости от СССР. Франция предложила решить проблему вынесением списка гарантированных стран в секретное приложение к англо-франко-советскому договору.

– Через два дня после подписания пакта Молотова – Риббентропа Великобритания заключила с Польшей договор о взаимопомощи, к которому прилагался секретный протокол, оговаривающий направленность договора исключительно против Германии, а не какой-либо третьей страны (подразумевался СССР).

– Все договоры СССР о взаимопомощи с прибалтийскими республиками сопровождалась «конфиденциальными приложениями», в которых оговаривалась численность и дислокация создаваемых советских баз на территории Латвии, Литвы и Эстонии.

– Великобритания в октябре 1940 г. предложила СССР «сугубо секретно и конфиденциально» заключить соглашение, в соответствии с которым Советская Россия должна была:

а) проводить в отношении Великобритании политику «благожелательного» нейтралитета;

б) продолжать поддержку Китая, не позволяющую Японии в полную силу обрушиться на британские владения в Азии;

в) заключить, как только «станет практически возможным», пакт о ненападении, подобный действующему ныне между Германией и СССР».

В обмен на это Англия, со своей стороны, гарантировала бы СССР признать *de facto* власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях бывшего Польского государства, которые теперь находятся под Советским главенством¹¹.

– При разрешении Карибского кризиса, наряду с договоренностью о возвращении с Кубы советских ракет, была достигнута «конфиденциальная» договоренность о выводе и американских ракет из Турции.

– Между США и Японией в 1969 г. был подписан секретный договор, позволяющий американским кораблям с атомным оружием на борту заходить на свои базы в Японии в нарушение японской конституции¹².

Примеры можно множить и множить. Причем вовсе не для оправдания по принципу «все воруют». Чужие преступления не отменяют собственной вины.

Примеры свидетельствуют совсем о другом: секретные договоренности являются обычной практикой, нормой для дипломатии. Без элементов секретности ни дипломатия, ни оборона, ни экономика не в состоянии эффективно функционировать по определению.

Конечно, предание гласности любого секретного договора вызывает скандал, но это ни в коей мере не ставит под сомнение правомерность существования государственной или коммерческой тайны.

Не будучи преступными по форме, Секретные протоколы не являются преступными и по содержанию.

В качестве подтверждения «вопиющего попрания» протоколами норм международного права чаще всего приводится разделение Восточной Европы на «сферы влияния» (хотя в тексте протокола «сферы интересов»), принятие решений обязательных для третьих стран, и, соответственно, нарушение принципа суверенного равенства государств, составлявшего «основу международного права с XVII века»¹³ (ни много ни мало).

Рассмотрим по порядку и эти обвинения.

Для предвоенного периода разграничение «сфер влияния» не могло рассматриваться ни как нарушение норм международного права, ни даже как анахронизм. Достаточно вспомнить, что в основе биполярного мироустройства уже **второй половины XX в.** лежало деление мира на «сферы влияния» между двумя сверхдержавами.

«Сферы интересов» были, есть и будут у всех государств, которые не изолированы от внешнего мира. Причем чем активнее и разностороннее политические, экономические, культурные, человеческие контакты с другими странами, тем обширнее «сферы интересов» государства за пределами его границ.

В рамках «сфер интересов» объективно существуют и «сферы жизнен-

ных интересов». К ним относятся территории, от событий на которых прямо зависит безопасность государства, можно сказать, его жизнь.

Насколько серьезно государства относятся к своим «сферам жизненных интересов» свидетельствует пример США. «Гуамская доктрина», вошедшая в историю как «*Доктрина Никсона*», провозглашала: «Мы предоставим щит, если ядерная держава станет угрожать свободе государства, находящегося в союзе с нами, или **стране, выживание которой мы считаем жизненно важным для нашей безопасности** (выд. – *Авт.*)»¹⁴.

Эту же линию продолжала и «*Доктрина Картера*», изложенная 23 января 1980 г. в ежегодном президентском послании конгрессу США: «Пусть наша позиция будет абсолютно ясна всем: попытка внешней силы овладеть контролем над Персидским заливом будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено всеми необходимыми средствами, включая военную силу»¹⁵.

Данные примеры показывают, что даже государство, не обремененное традициями «старой дипломатии», рассматривает угрозу своим «сферам жизненных интересов» как непосредственную угрозу собственной безопасности и готово защищать их всеми доступными средствами, вплоть до развязывания глобальной ядерной войны.

«Сфера жизненных интересов» – это ключ от безопасности государства, в силу каких-то причин оказавшийся за пределами его границ. Поэтому каждое государство, независимо от общественно-экономического

стройка и формы правления, стремится по возможности включить «сферу жизненных интересов» в свою «сферу влияния» и противодействовать ее превращению в «сферу влияния» других держав.

В отличие от «сфер интересов», имеющих объективный характер, «сферы влияния» являются результатом целенаправленных действий государств по защите своих интересов за рубежом. Такие действия, в свою очередь, могут быть как правомерными, так и противоправными. Само же по себе естественное стремление государства сделать «сферу жизненных интересов» своей «сферой влияния» противоправным не является – все зависит от того, какими методами оно реализуется.

Нет никаких оснований рассматривать проблему «сфер влияния» исключительно в логике конфронтации, империализма и подавления слабых стран сильными. В создании «сферы влияния» могут быть в равной мере заинтересованы все стороны, включая страны и народы, территория которых в силу исторических причин является «сферой жизненных интересов» другого государства. Жизненные интересы народов и государств необязательно противостоят друг другу.

В течение веков, включая почти весь XX в., сферы влияния были нормой международных отношений.

Как отмечает украинский историк права В.С.Макарчук: «Зловещую окраску термин “сферы влияния” приобрел уже в наше время, когда международное право подверглось едва ли не самым кардинальным за все время своего существования переменам»¹⁶.

Причем связано это было не с гуманизацией международных отношений, а исключительно с государственными интересами и возможностями США. Победа в холодной войне сделала Соединенные Штаты единственной супердержавой, открыла путь к однополярному миру, что фактически означало превращение всего мира в сферу влияния США. В этих условиях демонизация принципа «сфер влияния» была неизбежна, так как малейшая попытка любого государства заявить о наличии своей собственной зоны влияния в современных условиях воспринимается в качестве прямого вызова «*Rex Aeternitatis*».

В связи с этим, если не отождествлять международное право с интересами США, придется признать, что сам принцип «сфер влияния», примененный в пакте Молотова – Риббентропа, не может рассматриваться в качестве противоправного и, следовательно, преступного. Другое дело, какими методами данный принцип был реализован при подписании Пакта и его воплощении в жизнь.

А.А.Пронин утверждает: «Секретные протоколы от 23 августа и 28 сентября 1939 г., от 10 января 1941 г. являются недействительными с самого начала, потому что они противоречили принципу суверенного равенства государств, то есть императивной норме международного права... Перечисленные секретные договоренности имели неправомерный объект. В “сферу интересов” договаривающихся государств они включали территорию третьих стран... Такой договор нарушает общепризнанный принцип права договоров – договор не предоставляет

прав третьей стороне, не налагает на нее обязательств»².

Трудно не согласиться с автором и его единомышленниками в том, что всякий договор, касающийся интересов третьих стран и обязывающий их к чему-либо, грубо попирает принцип суверенного равенства государств. Только при чем здесь пакт Молотова – Риббентропа. Все это про Мюнхен. Именно в Мюнхене четыре державы (Англия, Франция, Италия и Германия), даже не пригласив в зал заседаний Чехословакию, заключили соглашение, обязывающее последнюю отказаться от части своей территории.

Впрочем, независимо от правомерности или неправомерности произошедшего в Мюнхене, к Пакту Молотова – Риббентропа, включая Секретные протоколы, поспраивание принципа равенства государств никакого отношения не имеет. В Москве, в отличие от Мюнхена, не принималось никаких решений, обязательных для исполнения третьими странами.

Широко распространенное обвинение в том, что в Секретных протоколах Гитлер передал Сталину Прибалтику, Восточную Польшу и Бессарабию, являются не более чем пропагандистским штампом. Гитлер в принципе даже при всем желании не мог отдать того, что ему не принадлежало.

Собственно Договор о ненападении в открытой его части содержал обязательство СССР сохранять нейтралитет по отношению к Германии, независимо от ее столкновений с третьими странами, Секретные же протоколы к Договору, в свою очередь, оформили обязательство Германии не вмешиваться в дела СССР на ев-

ропейской части постимперского пространства. Ничего более.

По аналогии: договор банка и торговца семечками у его входа: первый обязуется не торговать семечками, второй не одалживать деньги клиентам банка.

Формулировка ст. 2 Секретного протокола от 23 августа 1939 г.: «В случае территориально-политической перестройки областей, которые входят в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет проходить приблизительно вдоль линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о том, является ли во взаимных интересах желанным сохранение независимости Польского государства и какими будут границы этого государства, может быть полностью выяснен только по ходу дальнейшего политического развития»¹¹, несомненно, звучит для поляков зловеще. Но утверждения о том, что это договоренность о «четвертом разделе Польши», абсолютно беспочвенны.

Постановка (не решение) вопроса о возможных границах Польского государства не являются противоправными. В настоящее время на международной арене активно обсуждается вопрос о границах Израиля «в случае территориально-политической перестройки», связанной с признанием Палестинского государства. Никто, кроме радикальных израильских кругов, не обвиняет участников подобных переговоров в преступном сговоре с целью раздела Еврейского государства.

Не может трактоваться в качестве противоправной в условиях августа 1939 г. и заявленная готовность к обсуждению (опять-таки не решению) вопроса о самой независимости

Польского государства. За несколько месяцев до договора с карты Европы исчезла Чехословакия.

Главное, что ни в одном из пунктов Секретного протокола не оговаривается **намерение** провести территориально-политическую перестройку Польши и не определяют ее **формы**. В Секретном протоколе лишь зафиксировано обоюдное обязательство в случае подобной перестройки действовать с учетом интересов друг друга.

Именно поэтому, подчеркивает В.С.Макарчук, – нет оснований «считать, что Риббентроп и Молотов в августе 1939 г. согласовали “четвертый раздел Польши”». Стороны договорились о «сферах интересов», т.е. о тех территориях, «где сторона-контрагент должна воздерживаться от активных действий (концессии, капиталовложения, влияние на правительственные структуры, поддержка повстанческих движений и т. д.) при любом развитии событий».

Советский Союз не брал на себя обязательств осуществить военную операцию против Польши и тем самым нарушить действующие с этой страной двух- и многосторонние международно-правовые договоренности¹⁶.

Найти в Секретном протоколе договоренность о «четвертом разделе Польши» также невозможно, как и черную кошку в темной комнате, когда ее там нет.

Особо следует подчеркнуть, что понятие «территориально-политическая перестройка» не является дипломатичным прикрытием понятий «война» и «агрессия».

Изменения границ были, есть и будут. Весь вопрос в том, как они про-

исходят, в каких формах и какими методами, насколько соответствуют нормам международного права.

Германия, СССР, Литва и Словакия (государства, считавшие, что Польша за 20 лет своей независимости оккупировала части их территории) вполне могли вместе или по отдельности предъявить имевшиеся территориальные претензии и добиться их выполнения, не прибегая к войне и не выходя за рамки международного права. Примером мирного решения территориальных проблем того времени является не только Мюнхен, но и 1-й и 2-й Венские арбитражи.

Ссылки на польский гонор и готовность погибнуть, но не поступиться чужой территорией не могут служить доказательством заведомой невозможности мирного исхода.

В «арсенале “легальных” (для 30-х годов прошлого столетия) способов международного влияния и давления были не только отзыв послов, реторсии и репрессалии, но и «мирная», и «военная» блокады и другие методы, от которых современное международное право практически отказалось»¹⁶.

Показательно, что Англия и Франция предоставили Польше гарантии независимости, но отказались давать гарантии территориальной целостности, не взирая на все ее настояния.

Славомир Дембский, директор польского Института международных дел, признает, что «по поводу Гданьска Польша соглашалась на устранение Лиги Наций из Вольного города и готова была вести переговоры с Берлином в рамках двустороннего соглашения о будущем статусе

этого города. Также и по вопросу “экстерриториальной автострады” Польша была открыта для диалога с Гитлером, о чем свидетельствуют далеко идущие предложения министра Бека от 25 марта 1939 года»¹⁷.

Германия избрала путь войны. Для нее территориальные претензии к Польше были лишь средством на пути к господству в Европе и мире. Это был ее выбор, и она несет всю полноту ответственности за него.

Таким образом, есть все основания утверждать, что пакт Молотова – Риббентропа в полной мере соответствовал нормам международного права межвоенного периода.

Единственное, что ему можно вменить, да и то с большой натяжкой, противоречие «духу» советско-польского договора о ненападении от 1932 г.

Впрочем, даже если это обвинение справедливо, то и тогда придется признать, что пакт Молотова – Риббентропа, столько лет громогласно объявлявшийся преступным, цинично попирающим нормы международного права, не имеющим прецедентов в международной практике, в реальности оказался всего лишь поправлением некоего «духа» мало кому известного ныне и мало что значившего в то время договора.

Подобно тому, как человек, всенародно и официально обвиненный в страшных серийных убийствах, по результатам расследования оказался виновен только в переходе улицы на красный свет.

В настоящее время приходится только удивляться, каким образом советскому руководству в критически сложных условиях начинающейся мировой войны удалось оформить свои действия по обеспечению безопасности страны в полном соответствии с нормами международного права, не заложив ни одной юридической мины.

Примечания

- ¹ *Фелдманис И.* Оккупация Латвии – исторические и международно-правовые аспекты // URL: <http://www.am.gov.lv/ru/latvia/history/history-juridical-aspects>
- ² *Пронин А.А.* Советско-германские соглашения 1939 г. Истоки и последствия // Международный исторический журнал. 2000. № 10–12 // URL: <http://militera.lib.ru/research/pronin/index.html>
- ³ *Смирнов В.П.* Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 23, 37.
- ⁴ *Нарочницкая Н.А.* «Концерт великих держав» накануне решающих событий // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С. 11.
- ⁵ *Случ С.З.* Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. – август 1939 г.) // Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 346–347.
- ⁶ *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. С. 397.
- ⁷ *Документы внешней политики СССР. 1939. Сентябрь–декабрь.* М.: Международные отношения, 1992. Т. 22. В 2-х книгах. Кн. 2. С. 657, 91.

- ⁸ Милевский Я. Включение «Западной Белоруссии» в СССР (1939–1941): новая точка зрения // *Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы*. СПб.: Алетейя, 2011. С. 64.
- ⁹ Лебедева Н.С. Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР // *Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков*. М., 2009. С. 409.
- ¹⁰ Известия. 1989. 27 дек. С. 2.
- ¹¹ Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Январь-ноябрь 1940. М.: *Международные отношения*, 1995. Т. 23. В 2-х книгах. Кн. 1. С. 702–705, 632.
- ¹² URL: <http://lenta.ru/news/2009/12/22/agreement>
- ¹³ Дембский С. Мюнхенское соглашение и Пакт Риббентропа – Молотова через семьдесят лет: проблемы, интерпретации влияние // *Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков*. М., 2009. С. 55.
- ¹⁴ URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/guamskaya-doktrina.php>
- ¹⁵ URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/doktrina-kartera.php>
- ¹⁶ Макарчук В. С. Государственно-правовой статус западноукраинских земель в период Второй мировой войны: историко-правовое исследование / Пер. с укр. Фонд «Историческая память». М., 2010. С. 157, 152, 161.
- ¹⁷ Дембский С. Польша, Советский Союз, кризис Версальской системы и проблема причин начала Второй мировой войны // *65 лет Великой Победы*. М.: МГИМО-Университет, 2010. Т. 1. С. 235.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@ru.ru

На сайте Вы найдете информацию о печатных и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2012 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.